

— Сяогуан, спасибо за твою доброту. Но есть вещи, которые я должен сделать сам.

Хань Цзюнь опустил голову, улыбнулся Чжао Хунгуану, поблагодарил и осторожно разжал его руки, обнимавшие его за талию, направившись в ванную.

Чжао Хунгуан остался стоять на месте. Глядя на высокую, но поникшую фигуру Хань Цзюня, он чувствовал, как сердце сжимается от боли.

Согревшись под горячей водой, Хань Цзюнь вышел, обернувшись полотенцем. Он знал, что Чжао Хунгуан, ожидающий в гостиной, наверняка переживает, поэтому не мог заставлять его ждать слишком долго.

— Не хочешь подольше побыть в ванне? На улице ведь холодно, — Чжао Хунгуан тут же встал с дивана, увидев, что Хань Цзюнь вышел.

— Всё в порядке, — Хань Цзюнь, вытирая волосы, подошёл к Чжао Хунгуану и спокойно сел на диван. — Сяогуан, я обещал вернуться и объяснить тебе, почему я так поступил. Сейчас я это сделаю.

Хань Цзюнь, конечно, не стал раскрывать все детали: отношения Вэй Чэня с Крыльями Свободы были тайной, которую хранили высшие чины Тауэр-зоны.

Однако он не скрывал своего желания выяснить правду о «смерти» Вэй Чэня и о том, не было ли предательства, которое привело к тяжёлым потерям среди Хранителей.

— Разве Тауэр-зона уже не сделала выводы по поводу той трагедии? Крылья Свободы всегда были враждебной силой, упорно противостоящей Объединённому правительству и Тауэр-зоне. Брат, если ты один пойдёшь против них, это всё равно что броситься с голыми руками на пулёмёт, — сказал Чжао Хунгуан, поняв, что Хань Цзюнь намерен в одиночку противостоять Крыльям Свободы, и почувствовал холодный пот. Даже если бы Хань Цзюнь был в своей лучшей форме, он всё равно не смог бы противостоять такой могущественной силе.

— Да, Тауэр-зона утверждает, что трагедия была спланирована Крыльями Свободы. Я тоже считаю, что это их рук дело, и именно из-за их планов мы попали в засаду, а я впал в состояние берсерка. Однако есть факты, которые Тауэр-зона не раскрыла, — глядя на Чжао Хунгуана, полного заботы и беспокойства, Хань Цзюнь вспомнил видение, которое он увидел в Чёрной Башне. Тогда он думал, что это просто галлюцинация, но после того как Сюй Ань рассказал ему правду, он начал беспокоиться, что это видение могло быть проявлением способности к предвидению, доступной только топовым Стражам. Ведь если он смог причинить вред Вэй Чэню, то однажды он может по неосторожности навредить и Чжао Хунгуану.

— Какие факты? Брат, что ты узнал? — Чжао Хунгуан почувствовал опасность в словах Хань Цзюня, но не мог не продолжать расспрашивать.

Хань Цзюнь с горькой усмешкой провёл рукой по глазам. Иногда ему действительно было тяжело смотреть на этот мир.

— Убийцей других Хранителей, а возможно, и Вэй Чэня, скорее всего, были не Крылья Свободы.

— Кто же тогда? — спросил Чжао Хунгуан и тут же пожалел. Если настоящий убийца — не Крылья Свободы, как все считали, то им мог быть только сам Хань Цзюнь, впавший тогда в состояние берсерка.

— Это был я, — Хань Цзюнь опустил руку, которой закрывал лицо, и спокойно посмотрел на Чжао Хунгуана, прежде чем медленно отвести взгляд. — Неудивительно, что председатель Цинь и другие считают, что я должен навсегда остаться в Чёрной Башне. Не из-за болезни, а из-за моей вины.

Как в мелодрамах, где в кульминационный момент обязательно сверкает молния, после слов Хань Цзюня за окном гостиной вспыхнула молния, грянул гром, и дождь усилился.

— Нет, это невозможно. Ты такой хороший человек, и ты так любил старшего брата Вэй Чэня. Я знаю, ты любил его, поэтому ты никогда бы не причинил ему вреда, — Чжао Хунгуан схватил руку Хань Цзюня, на мгновение почувствовав, что тот может исчезнуть прямо у него на глазах.

— Сяогунан, ты видел, как я впадаю в состояние берсерка. У меня нет сознания, — Хань Цзюнь вспомнил, как Линь Шаоань однажды показал ему запись его состояния берсерка в Чёрной Башне. Если бы не увидел это своими глазами, сам Хань Цзюнь не поверил бы, что может превратиться в такое странное и ужасное существо. Поэтому, когда Сюй Ань сказал, что он ранил Вэй Чэня боевым клинком, его первой реакцией было отрицание, но затем он с горечью признал, что в состоянии берсерка он мог быть не в себе.

— Если бы старший брат Вэй Чэнь был рядом, он бы не позволил тебе потерять рассудок! Ты забыл о розе, которую он подарил тебе? — Чжао Хунгуан закричал, полагаясь на свою интуицию как Проводника.

— Да... роза. Вэй Чэнь оставил розу в моём ментальном бастионе.

Хань Цзюнь вдруг всё понял. Чжао Хунгуан был прав: если бы Вэй Чэнь был рядом, он бы не позволил ему впасть в состояние берсерка.

— Ух! — Хань Цзюнь попытался вспомнить Трагедию 754, окутанную туманом, но, как и раньше, каждый раз, когда он пытался вспомнить фрагменты, связанные с той трагедией и Вэй Чэнем, его ментальное море пронзала острая боль, не позволяя ему углубиться в мысли.

— Брат, что с тобой? — Чжао Хунгуан впервые видел, чтобы у Хань Цзюня так сильно болела

голова.

Хань Цзюнь махнул рукой, тяжело дыша.

— Всё в порядке, просто голова болит.

— Кто сказал, что ты убил Хранителей и старшего брата Вэй Чэня? Можешь рассказать? — настаивал Чжао Хунгуан.

— Один из выживших в той трагедии, Сюй Ань. Хотя, признаться, он был одним из самых преданных моих подчинённых, а я отрубил ему руку. Сяогуан, теперь я понимаю, почему Тауэр-зона так строга к Стражам в состоянии берсерка. Действительно, в таком состоянии мы становимся неуправляемыми зверьми, и, кроме как убить на месте, с нами ничего не поделаешь. Как преступник, запятнавший свои руки кровью, я должен был погибнуть на поле боя или в Чёрной Башне. Мне стыдно, — Хань Цзюнь с горькой усмешкой покачал головой, его взгляд стал расфокусированным, а выражение лица — растерянным.

— Я не позволю тебе так говорить о себе! — Мягкий голос Чжао Хунгуана вдруг стал строгим. Он посмотрел на поникшего Хань Цзюня, и в его сердце закипела кровь, подталкивая его к тому, чтобы обнять Хань Цзюня за шею.

Как выглядит поза любви? У каждого, возможно, свой ответ.

Но в эту грозовую ночь Чжао Хунгуан нашёл свою позу любви. Он обнял Хань Цзюня за шею и поцелуем прервал его невысказанные слова. Он догадывался, что Хань Цзюнь тоже нуждается в любви, особенно после всех пережитых страданий.

Чжао Хунгуан, считавший себя ещё неопытным, под влиянием любви смело обнимал и целовал Хань Цзюня, показывая свою любовь и жажда ответного чувства.

Хань Цзюнь снова почувствовал знакомый жар от Чжао Хунгуана — это была температура лихорадки слияния.

— Сяогуан... — Хань Цзюнь нежно погладил волосы Чжао Хунгуана, его взгляд был полон нежности и грусти.

— Дядя, — Чжао Хунгуан тяжело дышал, аромат феромонов Стража будоражил его сердце. Да, сегодня он ещё не успел принять ингибитор. — Я преступник, а не герой. Я не заслуживаю любви такого прекрасного Проводника, как ты.

Когда Хань Цзюнь понял, что Чжао Хунгуан влюблён в него? Он вспомнил поцелуй, который Чжао Хунгуан оставил на его лбу, устанавливая ментальную связь, вспомнил, как тот держал его руку, когда он впадал в состояние берсерка, и как смело вёл себя, думая, что Хань Цзюнь спит. Этот мальчик шаг за шагом приближался к нему, пытаясь согреть его холодное сердце.

— Ты мой герой, и этого достаточно, — поза Чжао Хунгуана казалась ему самому невероятной: он полностью облокотился на Хань Цзюня, его тело прижалось к мускулистой груди мужчины. Такая сцена раньше была только в его смущённых фантазиях. — Разве я должен сказать это вслух, чтобы ты понял? Дядя, я хочу полностью с тобой совпасть.

<http://bllate.org/book/15254/1345187>